

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Книга «Университет в руинах» — не философский трактат. По стилю и содержанию это серия гуманитарных исследований (в форме, близкой к интеллектуальному эссе), разворачивающихся в относительно единых методологических и концептуальных границах. Автор, Билл Ридингс, больше интересуется выявлением и анализом конкретных культурных феноменов, нежели созданием последовательной концептуальной системы, с помощью которой можно было бы обнаружить то, что ускользает от внимания остальных исследователей. Поэтому используемый в книге терминологический аппарат неспецифичен, он во многом заимствован из других социогуманитарных наук: социологии, филологии, литературоведения, философии, эстетики и т. д. Тем не менее поскольку в процессе перевода неизбежно принимаются определенные решения, совершается выбор того или иного варианта, необходимо указать на несколько ключевых понятий, которые встречаются в тексте, тот или иной перевод которых может сказаться на восприятии всего текста в целом.

Во-первых, стержневым элементом книги и аргументации Б. Ридингса является термин «excellence», означающий «превосходство», «совершенство», «мастерство», «высокое качество». В западном университетском (и не только) образовании он давно стал расхожим, о чем неоднократно упоминается в книге. Если сопоставлять его функции, распространение и употребление в западном и белорусском образовании, то прямым аналогом у нас выступает термин «качество». Упоминание качества образования и необходимости его достижения — неотъемлемый элемент подавляющего большинства текстов, посвященных деятельности белорусского университета. При этом широта применения данного термина может сравниться только с его пустотой, на которую также обращает внимание Ридингс, воспринимая ее не как повод для сожаления, а как симптом сложившейся ситуации. Итак, «excellence» = «качество», по крайней мере, если судить по месту, которое это понятие занимает в образовательном дискурсе. Однако необходимо учитывать, что на Западе существует и термин «quality», непосредственно означающий «качество». И Ридингс (а также ряд других авторов) разделяет «совершенство» и «качество». В чем же состоит разница между ними? Можно первично предложить следующий условный критерий разделения: если качество — это «внутренний критерий» оценки образовательной системы, то совершенство — «внешний». Речь идет о том, что, говоря о качестве,

имеют в виду, прежде всего, внутренние показатели качества, способы его выявления и стимулирования в отдельно взятом университете или образовательном поле. Когда же говорят о «совершенстве», речь идет о сопоставлении качества образования в различных университетах или университетских системах, т.е. о движении к «наивысшему возможному качеству», выделяющему определенный университет среди остальных. Именно на этот аспект указывает Б. Ридингс, отмечая, что сегодня университет понимает себя как игрока на глобальном рынке образовательных услуг. Его деятельность направлена на обеспечение своей конкурентоспособности. Именно поэтому «совершенство», в отличие от «качества», предполагающего совокупность взаимосвязанных стандартов оценки, является идеологическим инструментом, пустота, бессодержательность которого — закономерный итог стремления руководящего (и все чаще — профессорско-преподавательского) персонала университетов к осмыслению себя в качестве представителей «образовательного бизнеса». Если принимать так понятое разделение «совершенства» и «качества», то перевод термина «excellence» как «совершенство» представляется более оправданным с точки зрения той реальности, к которой апеллирует книга Ридингса. В то же время, необходимо помнить (это все еще гипотеза) о том, что в белорусском образовательном пространстве аналогичные функции выполняет термин «качество», роль и значения которого, впрочем, требуют отдельного изучения. Вполне возможно, что мы обнаружим и принципиальные отличия.

Во-вторых, многие страницы книги Б. Ридингса посвящены «cultural studies». Данный термин имеет несколько распространенных вариантов перевода: «культуральные исследования», «культурология», «культурные исследования». Мы остановились на последнем по нескольким причинам. Во-первых, потому, что «исследования», в отличие от «логин», указывают на конкретные культурные практики, не претендуя на обобщающую теорию (более того, даже провозглашая принципиальную фрагментарность и дифференцированность культуры). То, что сегодня преподается в белорусских и российских университетах под именем «культурология», во многом представляет собой именно попытку систематизировать знания о культуре и предложить абстрактную ее модель: определить структуру, выделить функции, указать средства и пр. Напротив, на Западе cultural studies — это совокупность исследований, посвященных реальным, актуальным культурным феноменам, объектам или процессам. Они не концептуализируют «культуру в целом», но изучают «культуру в частности». Во-вторых, культурные исследования, в отличие от культурологии, ориентируются на другие реалии. Если для культурологии принципиальным объектом остается культура как система, в первую очередь символическая и знаковая (что связано во многом с влиянием на становление культурологии традиции московско-тартусской семиотической школы), то культурные исследования рассматривают культуру, с одной стороны, как феномен повседневности, а с другой, как феномен политический (что связано с влиянием на cultural studies марксистской традиции). Наконец, в-третьих, можно отметить еще одно отличие куль-

турных исследований от культурологии. Первые имеют гораздо более широкое значение, чем вторые. Если культурология остается во многом академической дисциплиной, то вторые, наоборот, активно влияют на политические действия и, как отмечает в своем тексте Б. Ридингс, претендуют на переопределение всего поля гуманитарных и социальных наук. Они не только изучают культуру, но и играют культурную роль. Все эти соображения и обусловили выбор термина «культурные исследования».

И последнее, на что хотелось обратить внимание. Одним из центральных понятий Б. Ридингса является понятие «subject». При этом переводчик сталкивается с неразрешимой трудностью: данное слово означает одновременно «субъект» и «подданный», и Ридингс апеллирует одновременно к двум значениям. С его точки зрения, возникновение субъекта как автономной, свободной, рационально мыслящей единицы знаменует собой одновременно рождение подданного национального государства. По крайней мере, так можно интерпретировать то действие, которое совершается в немецкой классической философской традиции, начиная с Канта и заканчивая Гумбольдтом. Человек становится либеральным субъектом, овладевая национальной культурой. Разумеется, введение данного принципа не происходило одновременно. Если у Канта (в частности, в «Споре факультетов») мы обнаруживаем полностью рационального субъекта, выступающего представителем абсолютного разума, то у Шеллинга, Фихте, Гумбольдта и других мы уже видим субъекта, который приходит к самостоятельности и независимости через овладение родной культурой, в первую очередь — ее языком. Тем не менее, «субъект» и «подданный» — это два лика одного феномена, который мы можем выделить в истории осмысления и самоосмысления университета. Предложить один вариант перевода в данном случае не представляется возможным, поэтому в тексте использовались как термин «субъект» (чаще всего), так и термин «подданный», в зависимости от того, на каком аспекте феномена, предположительно, делал акцент автор.

В заключение хотелось бы выразить признательность тем, кто способствовал изданию русского перевода «Университета в руинах»: Михаилу Антоновичу Гусаковскому, который принес эту книгу в Центр проблем развития образования БГУ и не успокоился, пока она не была переведена, Инессе Евгеньевне Осипчик, которая прочитала первый вариант перевода и сделала массу замечаний, позволивших его улучшить, вдове Билла Ридингса Диане Илэм, которая прояснила множество моментов, связанных с историей написания книги, издательству Гарвардского университета, любезно разрешившему опубликовать небольшой бесплатный тираж перевода, и всем сотрудникам Центра проблем развития образования, которые участвовали в семинаре, посвященном «Университету в руинах», и наполнили метафору, отраженную в названии книги, вполне конкретным смыслом.

А. М. Корбут